

ФИЛОЛОГИЯ

(шифр научной специальности: 5.9.8)

Научная статья

УДК 81.42

doi: 10.18522/2070-1403-2025-110-3-78-86

ПРАГМАСЕМАНТИКА ПАРАТЕКСТА В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

© *Елена Дмитриевна Горячева*

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

edgoryacheva@sfedu.ru

Аннотация. Представлены результаты изучения паратекстуальных элементов в структуре литературно-критического дискурса. На материале литературно-критических статей В.Я. Брюсова выявлено, что прагматика и семантика паратекста обуславливаются ориентацией автора на диалогическое взаимодействие с читателем. Доказано, что в координатах текстовой периферии литературно-критического дискурса В.Я. Брюсова манифестированы основные коммуникативные стратегии и тактики, направленные на убеждение адресата с привлечением прагматического ресурса аргументации; любой паратекстуальный компонент может приобретать дополнительные смыслы, в том числе и пресуппозитивные. Определено, что литературно-критический текст – текст производный по своей природе, который актуализирует интеллектуальную деятельность адресата в единстве с эмоциональной оценкой конкретного факта культурной жизни. Паратекст представляет собой прагматическую модель, обеспечивающую «наращение смысла» в литературно-критическом дискурсе В.Я. Брюсова.

Ключевые слова: паратекст, прагматика, семантика, литературно-критический дискурс, текстово-дискурсивное пространство.

Для цитирования: Горячева Е.Д. Прагмасемантика паратекста в литературно-критическом дискурсе // Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 110. № 3. С. 78-86. doi: 10.18522/2070-1403-2025-110-3-78-86.

PHILOLOGY

(specialty: 5.9.8)

Original article

Pragmatics and semantics of paratex in literary-critical discourse

© *Elena D. Goryacheva*

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

edgoryacheva@sfedu.ru

Abstract. The results of the study of paratextual elements in the structure of literary and critical discourse are presented. Based on the material of literary and critical articles by V.Y. Bryusov, it is revealed that the pragmatics and semantics of the paratext are determined by the author's orientation towards dialogical interaction with the reader. It is proved that in the coordinates of the textual periphery of V.Y. Bryusov's literary and critical discourse, the main communicative strategies and tactics aimed at convincing the recipient using a pragmatic argumentation resource are manifested.; any paratextual component can acquire additional meanings, including presuppositional ones. It is determined that a literary-critical text is a derivative text by its nature, which actualizes the intellectual activity of the addressee in unity with the emotional assessment of a specific fact of cultural life. The paratext is a pragmatic model that ensures the "building up of meaning" in V.Y. Bryusov's literary and critical discourse.

Key words: paratext, pragmatics, semantics, literary-critical discourse, text and discursive space.

For citation: Goryacheva E.D. Pragmatics and semantics of paratex in literary-critical discourse. *The Humanities and Social Sciences*. 2025. Vol. 110. No 3. P. 78-86. doi: 10.18522/2070-1403-2025-110-3-78-86.

Введение

В последние годы возрастает актуальность изучения периферийных компонентов текста, что в целом связано с учетом фактора «человека в языке», с возможностями проявления языковой личности в ее речемыслительной деятельности [10], а также с выяснением когнитивно-прагматических механизмов, которые участвуют в формировании раз-

личных типов дискурса [13; 14]. Значительный опыт лингвистики в изучении текстовой периферии позволяет разрабатывать и с успехом применять различные методики в изучении таких текстовых компонентов, однако пока рано говорить о том, что они должным образом рассматриваются в плане речевого воздействия и структурирования текстово-дискурсивного пространства. Необходимость исследований в этой сфере не вызывает сомнений, поскольку коммуникативные стратегии и тактики автора, равно как и корректное восприятие и интерпретация текста читателем во многом определяются именно семантикой и прагматикой периферийных компонентов текста.

Литературно-критический дискурс в целом предполагает диалогические отношения автора и читателя [7; 12], что обуславливает обращение продуцента такого дискурса к различным способам установления диалога, в том числе и к прагмасемантическому ресурсу текстовой периферии. Textoобразование в рамках этого дискурса характеризуется диалогичностью, совмещая акты производства текстов, их интерпретации и создания текстов по поводу текстов (в широком смысле, принятом в эстетике [5]). М.М. Бахтин указывал, что «всякая коммуникация на что-то отвечает и на какой-то ответ рассчитывает (хотя бы на ответное понимание). Коммуникация отражает не только факт действительности, составляющей ее содержание, но и предшествующие высказывания о том же факте или о чем-то, имеющем к нему отношение (то, что заставило обратиться к данному факту). Эти предшествующие высказывания и предполагаемый ответ не могут не найти своего отражения в высказывании» [4, с. 255]. Поэтому с уверенностью можно утверждать, что продуцирование литературно-критического дискурса сопряжено как с семантическими, так и со структурными инновациями, которые коррелируют с прагматикой согласия, несогласия, нейтрального отношения и пр.

Одним из первых к проблематике текстовой периферии обращается Ж. Женетт, который вводит в научный оборот термин *паратекст* и предлагает концепцию паратекста в западноевропейской лингвистике [15]. Ж. Женетт трактует паратекст как второстепенный, дополнительный к тексту элемент [15, с. 9], который сопровождает собственно текст с целью сообщения о нем, дополнительных разъяснений, рекламы и пр. Для Ж. Женетта паратекст представляет собой итог совместной работы автора и издателя, а в число паратекстовых элементов Ж. Женетт включает заголовки, посвящение, предисловие, эпиграф, примечания, комментарии, а также интервью, беседы об издании книги и пр. Анализ паратекста приводит Ж. Женетта к выделению других, более крупных, комплексов компонентов – перитекста и эпитекста в составе собственно паратекста, на основании чего им предложена формула *паратекст = перитекст + эпитекст*.

Под перитекстом Ж. Женетт понимает все виды периферийного текста внутри физических границ книги (названия, подзаголовки; посвящения, предисловия, примечания, комментарии, послесловия), эпитекст трактуется им как письменный и устный метатекст (публичный и приватный), который находится за пределами книги (история создания книги, писательская, издательская и переводческая переписка и переговоры, дневники и мемуары, др.). Иными словами, в состав перитекста у Ж. Женетта включены дискурсивные образования, окружающие текст в пределах одного издания, тогда как эпитексту принадлежат все произведения, находящиеся вне границ конкретного издания. Принимая в целом определение паратекста, предлагаемое Ж. Женеттом, мы считаем необходимым обратиться к изучению перитекста в его терминологии, однако поскольку в отечественной лингвистике паратекст понимается именно как периферийные текстовые компоненты, объектом нашего исследования выступает именно такая текстовая периферия, соотносимая с основным текстом в пределах одного издания.

Материалом исследования стали литературно-критические статьи В. Брюсова разных лет: «А.А. Фет. Искусство или жизнь» (1903); «Александр Блок. Нечаянная Радость» (1907); «Анкета о Некрасове» (1902); «В защиту от одной похвалы» (1912); «Гипербола и фантастика у Гоголя» (1909); «Данте современности» (1913); «Испепеленный. К характеристике Гоголя» (1909); «Истины (Начала и намеки)» (1901); «Священная

жертва» (1905) [6]. Литературно-критический дискурс В. Брюсова зачастую включает разнообразные паратекстуальные элементы, что позволяет выявить и описать прагматические особенности паратекста, функционирующего в данном виде дискурса, которые, в конечном счете, определяют параметры семантического пространства литературно-критического дискурса.

Методы исследования применялись к объекту комплексно: метод сплошной выборки – для установления собственно паратекстуальных компонентов, коммуникативно-прагматический анализ и контекстуальный анализ – для выявления коммуникативных стратегий и тактик в процессе воздействия на адресата дискурса, метод моделирования – для выявления коммуникативно-прагматического потенциала паратекста в литературно-критическом дискурсе, метод сопоставительного анализа и филологическая интерпретация – для параметрирования семантических особенностей паратекста в литературно-критическом дискурсе.

Обсуждение

Паратекст является гетерогенным феноменом, имеющим текстово-дискурсивную природу, при этом все периферийные компоненты текста направлены на реализацию прагматических функций: они предназначаются для убеждения, аргументации, манипуляции, при этом такие коммуникативные стратегии могут осуществляться продуцентом дискурса осознанно либо неосознанно.

Паратекст – неотъемлемая часть текстовой структуры, поскольку он включен в процесс текстообразования и определяет во многом композицию основного текста. Трансформации определенных паратекстуальных элементов (наличия / отсутствия заглавия, посвящения, эпиграфа, комментариев в виде сносок или затекстовых компонентов и пр.) определяются не только лингвокреативным потенциалом конкретной элитарной языковой личности, которая создает литературно-критический текст, особым образом воздействуя на адресата и, тем самым, иницируя образование текстово-дискурсивного пространства, но также культурно-историческим контекстом эпохи и направленностью конкретного литературно-критического текста на определенный художественный текст или событие культурной жизни.

Несомненна прагматическая направленность литературно-критического дискурса ввиду того, что он всегда подразумевает интеллектуальную деятельность адресата на основании эмоционального воздействия конкретного литературного произведения, по поводу которого создается литературно-критический текст, либо события культурной жизни (публикация произведения, сборника, выход из печати журнала, книги и пр.), поэтому мы вправе говорить о том, что литературно-критический текст – это текст производный, созданный по поводу текста, культурного события, дискуссии и пр. Исходным постулатом в данном случае выступает трактовка языка как диалогической системы, единицы которой обладают относительно-диалогическим значением, определяемым диалогической самодетерминацией языка к условиям своего функционирования. Поэтому исходным для понимания литературно-критического дискурса как дискурса, основанного на диалогических отношениях, выступает принцип диалогизма [3; 4; 11]. Н.Д. Арутюнова, проецируя этот принцип на формальную организацию реплик в структуре диалогического единства, делает вывод о модусной обусловленности формально-содержательной связности в диалоге, при этом когерентность реплик в диалогическом единстве манифестирована на уровне внешней формы [1; 2].

Для литературно-критического дискурса свойственна контекстуальность, что определяется основной целью литературно-критического текста – познанием художественного феномена и выявлением комплекса его смыслов [9]. Художественный текст или событие культурной жизни, которые рассматривает литературный критик, всегда включен в многоуровневые отношения в триаде *критик – автор – читатель*. Особую значимость приобретает литературно-критический дискурс, продуцируемый поэтом или писателем,

т.е. такой элитарной языковой личностью, для которой ведущей является именно творчество, а литературно-критическая деятельность подчинена творческому процессу. Безусловно, в этом случае становится возможным раскрытие не только тех прагматических закономерностей, которые свойственны целому корпусу литературно-критических текстов, но и выявление тех композиционных текстообразующих элементов, которые характеризуют речемыслительную деятельность такого литературного критика, закономерно имеющую сложную семиотическую природу.

Литературно-критический дискурс В.Я. Брюсова неслучайно избран нами в качестве материала для изучения паратекстуальных элементов: их изучение дает возможность рассматривать паратекст не только как неотъемлемый компонент структурирования литературно-критического текста В.Я. Брюсова, но и как прагматическую модель, позволяющую автору углублять семантику литературно-критического дискурса за счет «наращения смысла» в координатах взаимодействия собственно текста и паратекста. Для уточнения смыслов и усиления стратегии убеждения адресата В.Я. Брюсов в своих литературно-критических статьях прибегает, например, к подзаголовкам, при том, что сами заголовки могут иметь переносный, не всегда проясняющий их содержание, характер.

Поскольку В.Я. Брюсова как личность элитарную и творческую отличает образное мировосприятие, логично его обращение к ресурсам концептуальной метафоры, при этом метафорическая семантика находит уточнение в индивидуально-авторской репрезентации. Например, заглавие статьи «Данте современности» В.Я. Брюсов сопровождается подзаголовком «Об Эмиле Верхарне», при этом в первом высказывании литературно-критического дискурса разъяснен выбор и заглавия, и подзаголовка: «из всех сравнений, которыми критики и историки литературы пытались определить значение Эмиля Верхарена, как поэта, это – едва ли не самое удачное» [6]. Отметим в данном высказывании оценочную модальность, которая усиливает прагматическое воздействие на читателя целостного литературно-критического текста, что, собственно, входит в коммуникативно-прагматические задачи самого автора. Подзаголовком сопровождается и заголовок статьи «В защиту от одной похвалы» – «Открытое письмо Андрею Белому». Очевидно, что заголовок должен быть каким-то образом уточнен, к тому же для адресата ожидаем другой вариант – в защиту одной похвалы, однако В.Я. Брюсов замечает, что похвалы в том виде, в каком они высказаны его поэзии А. Белым, не заслужены им и подчеркивает: «Предпочитаю быть исключенным из представителей современной поэзии, вместе с Бальмонтом, чем числиться среди них с одним Блоком» [6].

В определенной степени сужение заявленного в заглавии статьи «Александр Блок. Нечаянная радость» наблюдается у В.Я. Брюсова в подзаголовке «Второй сборник стихов. Изд. “Скорпион”, 1907», что вполне оправданно, поскольку адресат литературно-критического дискурса ожидает от такого заголовка скорее иронического, вплоть до сарказма, отношения автора литературно-критической статьи к поэзии А. Блока. Поэтому логично уточнение, которое само по себе достигает своей прагматической цели – направленности не только на анализ конкретного сборника поэта, но и избирательности в плане конкретного адресата, который должен быть заинтересован в критической оценке новых блоковских стихотворений. Наблюдая эволюцию лирики А. Блока, В. Брюсов утверждает: «В его стихах с каждым годом все меньше “блоковского”, и перед его читателями все яснее встает новый, просветленный образ поэта» [6]. Представляется, что диалогическое взаимодействие с адресатом литературно-критического дискурса реализуется в случае наличия у заглавия статьи подзаголовка посредством уточнения предмета литературно-критического дискурса и актуализации фоновых знаний читателя, который, разумеется, должен иметь определенное представление о том, о чем пойдет речь в конкретном литературно-критическом тексте. Но при этом адресата должна интересовать и профессиональная оценка того или иного культурного события или художественного текста литературным критиком.

Безусловно, диалогические отношения адресанта и адресата литературно-художественного дискурса реализуются и на основании диалогического взаимодействия паратекста и собственно текста литературно-критической статьи. Наиболее отчетливо такое диалогическое взаимодействие проявляется тогда, когда автор вводит в состав паратекста эпиграф, при этом «Препозиция эпиграфа по отношению к основному тексту или его частям является интегральным признаком данного феномена, а само его наличие, в соответствии с авторскими интенциями, должно свидетельствовать о некоей информации, часто имплицитной, о том эмоциональном фоне, который должен быть задан для рецептивно-интерпретативной деятельности читателя» [8, с. 129]. Например, в статье «А.А. Фет. Искусство и жизнь» В.Я. Брюсов усиливает прагматическое воздействие текста статьи за счет введения в состав паратекста эпиграфа из стихотворения А. Фета «Моего тот безумства желал, кто смежал» (1897) – «Стану буйства я жизни живым отголоском» [6]. Эпиграф дает возможность не только уточнить само отношение автора к предмету литературно-критического дискурса – поэзии А. Фета, но и актуализирует за счет фоновых знаний адресата пресуппозиции как фетовской лирики, так и литературно-критического дискурса В.Я. Брюсова.

В.Я. Брюсов избирает в качестве эпиграфа и собственные поэтические строки, как, например, в рамках паратекста статьи «Истины (Начала и намеки)»: «Что в мире много истин есть, / Как много дум и слов» из поэмы «Царю Северного полюса» (1900). В этом случае эпиграф, отсылая к тому, что уже создано поэтом, уточняет и семантику заглавия, утверждая идею поливариативности истолкования различных явлений, и актуализирует семантическое пространство литературно-критического дискурса В.Я. Брюсова в целом, поскольку автор настаивает на своем праве меняться, на возможности творческой и философской эволюции. Эпиграф может полемически актуализировать семантику литературно-критического дискурса: например, в паратекст статьи «Священная жертва» включены пушкинские строки «Пока не требует поэта / К священной жертве Аполлон, / В заботы суетного света / Он малодушно погружен. / Молчит его святая лира, / Душа вкушает хладный сон, / И меж детей ничтожных мира, / Быть может, всех ничтожней он» из стихотворения «Поэт» (1827).

Статья В.Я. Брюсова структурирована как спор с пушкинским пониманием природы поэтического творчества, при этом в финале статьи В.Я. Брюсов эмоционально подчеркивает: «Мы, которым Эдгар По открыл весь соблазн своего “демона извращенности”, мы, для которых Ницше переоценил старые ценности, не можем идти за Пушкиным на этот путь молчания. Мы знаем только один завет к художнику: искренность, крайнюю, последнюю. Нет особых мигнов, когда поэт становится поэтом: он или всегда поэт, или никогда. И душа не должна ждать Божественного глагола, чтобы встрепенуться, “как пробудившийся орел”. Этот орел должен смотреть на мир вечно бессонными глазами» [6], что должно вызвать в адресате литературно-критического дискурса ответную реакцию согласия или несогласия с автором литературно-критической статьи, при этом Брюсов опирается в доказательстве своей позиции и на строгую логическую аргументацию.

Интересно, что часть литературно-критических статей открывается у В.Я. Брюсова приведением чьих-либо высказываний, в том числе и поэтических строк, которые вполне можно считать своего рода эпиграфом, служащим своей цели – определения вектора корректной рецептивно-интерпретативной деятельности адресата литературно-критического дискурса. Так, например, в статье «Анкета о Некрасове» уже первое высказывание содержит некрасовскую строку «Мне борьба мешала быть поэтом» из стихотворения «З(и)не (Ты еще на жизнь имеешь право...)» (1876). Такой помещенный в литературно-критический текст эпиграф дает возможность Брюсову развертывать литературно-критический дискурс в соответствии с диалектической структурой *тезис – антитезис – синтез*, что в конечном счете оказывает влияние и на лаконичную форму самой статьи.

Особо стоит выделить авторские предисловия к литературно-критическим статьям. Таково, например, предисловие к первому изданию доклада «Испепеленный. К характеристике Гоголя» [6], который был сделан В.Я. Брюсовым на торжественном заседании Общества любителей российской словесности 27 апреля 1909 г. Предисловие как паратекстуальный элемент ориентировано на реализацию прагматической установки автора на диалог с адресатом. Предисловие характеризуется проспективностью, что позволяет автору во многом объяснить свою позицию, упредить какие-либо реакции или оценки со стороны адресата, что манифестировано в целом ряде коммуникативных тактик, применяемых для реализации стратегии убеждения. В.Я. Брюсов в своем предисловии указывает, в частности: «Утверждать, что Гоголь был фантаст, что, несмотря на все свои порывания к точному воспроизведению действительности, он всегда оставался мечтателем, что и в жизни он увлекался иллюзиями, – не значит унижать Гоголя. Опровергая школьное мнение, будто Гоголь был последовательный реалист, я не тень бросал на Гоголя, но только пытался осветить его образ с иной стороны» [6], и такая прагматическая установка находит свое подтверждение в целостном тексте публикуемого автором выступления, которое по своей прагмасемантической направленности также правомерно отнести к литературно-критическому дискурсу.

Разумеется, мы не можем обойти своим вниманием и авторские примечания, которыми сопровождаются литературно-критические статьи В.Я. Брюсова. Зачастую они только объясняют темпоральные условия, в которых была осуществлена публикация, как, например, в статье «А.А. Фет. Искусство или жизнь»: «Публичная лекция, прочитанная по поводу десятилетия со дня смерти А. Фета (1892–1902) и тогда же впервые напечатанная». Это примечание, на наш взгляд, усиливает значимость самого литературно-критического текста, посвященного творчеству А. Фета, и актуализирует фоновые знания адресата литературно-критического дискурса для реализации коммуникативной стратегии убеждения.

Примечания к статье «Испепеленный. К характеристике Гоголя» содержат отсылки к ранее опубликованным литературно-критическим текстам, например: «История Украины только подала повод Гоголю рисовать картины какой-то героической эпохи, мечтавшей ему» и в примечании В.Я. Брюсов указывает: «Как известно, украинские повести Гоголя подверг суровой критике с точки зрения исторической и этнографической правды П. Кулиш еще в 1861 г. Его статьи вызвали в свое время живую полемику», что, разумеется, доказывает приверженность Н.В. Гоголя к романтическому направлению в начале его творческого пути (речь идет о цикле повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки»). Кроме того, В.Я. Брюсов приводит в примечаниях к этой статье фрагменты художественных текстов, позволяющих дополнительно аргументировать собственную позицию литературного критика и исследователя.

Также примечания к литературно-критической статье могут содержать уточнения, касающиеся динамики репрезентации личности и творчества конкретного деятеля культуры, как, например, в примечаниях к статье «Данте современности: «По-русски обыкновенно пишут Э. Верхарн, и, каюсь, я, первый познакомивший русских писателей с Верхареном, сам виноват в этой транскрипции. Она – неверна и основана на неспособности французов ставить ударение иначе, как на последнем слоге слова. Правильно фламандскую фамилию поэта (Verhaeren) надо выговаривать: Верхарен (или, еще точнее: Ферхарен)». Представляется, что приведенное здесь примечание углубляет знания адресата литературно-критического дискурса, при этом В.Я. Брюсов в достаточной степени аргументирует появление неточности в транскрипции фамилии Э. Верхарна в русской традиции и даже пытается оправдаться в глазах читательской публики (*каюсь, сам виноват*).

И, конечно, нельзя оставить без внимания примечания, в которых автор литературно-критической статьи объясняет сам выбор предмета рассуждения. Так, в статье «В защиту от одной похвалы» В.Я. Брюсов аргументированно обосновывает не только направленность этого литературно-критического текста, но и коммуникативно-прагматическую цель ли-

тературно-критического дискурса в целом: «Упрекают нас, что мы заняты самокритикованием, и называют это саморекламиранием. Смешной упрек. Критики оценивают в литературе то, что кажется им более важным, и естественно, что это более важное усматриваем мы у наших единомышленников». Ясно, что, полемизируя с А. Белым, В. Брюсов спорит с ним как с соратником, на что указывает и продолжение этого примечания: «Почему же сотрудники “Весов” лишены права говорить о сотрудниках “Весов”? Да к тому же, ах! наши статьи друг о друге скорее возбуждают обиду в критикуемом, чем благодарность» [6], отражающее авторскую оценочность и эмотивность.

Диалогические характеристики литературно-художественного дискурса получают возможность актуализации при опоре на предполагаемые фоновые знания адресата литературно-критического дискурса, что обуславливает необходимость введения в его семантическое пространство паратекстуальных элементов. Структурообразующими характеристиками литературно-критического дискурса выступают целостность и завершенность, что обеспечивает реализацию диалогического взаимодействия автора и читателя, но и актуализацию диалогических отношений литературно-критического текста и паратекста, который его сопровождает. Литературно-критический текст – текст производный, и поэтому корректная рецептивно-интерпретативная деятельность адресата направляется посредством различных лингвопрагматических механизмов, включая коммуникативные стратегии и тактики автора, приоритетными среди которых стоит считать убеждение и аргументацию. Кроме того, паратекст в литературно-критическом дискурсе направлен также на фокусировку фоновых знаний адресата, которые служат фундаментом для верного истолкования коммуникативных намерений адресанта.

Выводы

Литературно-критический дискурс характеризуется структурно-семантическими инновациями, которые способствуют реализации прагматических функций данного типа дискурса. Анализ текстовой периферии литературно-критических статей В.Я. Брюсова с позиций выявления прагмасемантических особенностей паратекста в этом виде дискурса позволил выявить основные коммуникативные стратегии и тактики, способствующие реализации диалогического взаимодействия адресанта и адресата литературно-критического дискурса. Семантическое пространство этого вида дискурса структурируется на основании обращения автора к фоновым знаниям читателя. Мы намеренно не обращаемся в своем исследовании к изучению прагмасемантики заглавий литературно-критических статей В.Я. Брюсова, однако устанавливаем факт диалогического взаимодействия заглавия с другими элементами паратекста – подзаголовком, эпиграфом, примечаниями и комментариями.

Прагматика литературно-критического дискурса в ее многообразной реализации опирается на интеллектуальную деятельность адресата и его оценку конкретного факта культурной жизни – художественный текст или событие. В то же время литературно-художественный дискурс, диалогический по своей сути, является также совокупностью производных текстов. Паратекстуальные элементы в семантическом пространстве литературно-критического дискурса В.Я. Брюсова изучаются нами не только в качестве необходимого компонента структурирования литературно-критического текста, но и в качестве прагматической модели, углубляющей семантическую перспективу литературно-критического дискурса при обращении адресанта дискурса к ресурсам «наращивания смысла» в координатах взаимодействия собственно текста и паратекста.

Список источников

1. Арутюнова Н.Д. Диалогическая модальность и явление цитации // Человеческий фактор в языке: коммуникация, модальность, дейксис. М.: Наука, 1992. С. 40–51.
2. Арутюнова Н.Д. Феномен второй реплики, или о пользе спора // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М., 1990. С. 175–189.

3. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. СПб.: Азбука – Атиккус, 2015. 412 с.
4. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 444 с.
5. *Борев Ю.Б.* Эстетика. В 2 т. Независимая акад. эстетики и свободных искусств. 5-е изд., доп. Смоленск: Русич, 1997.
6. *Брюсов В.Я.* Литературно-критические статьи. – URL: <http://bryusov.lit-info.ru/bryusov/kritika-bryusova/index.htm> (дата обращения 15.02.2025).
7. *Говорухина Ю.А.* Литературно-критический дискурс как открытая система // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 2 (10). С. 58–67.
8. *Горячева Е.Д.* Прагматика эпиграфа художественного текста в аспекте интертекстуальности // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 4. С. 127–132.
9. *Козловски П.* Культура постмодерна / Пер. с нем. М.: Республика, 1997. 238 с.
10. *Мейзерский В.М.* Проблемы и перспективы семиотики текста // Художественный текст: онтология и интерпретация. Саратов: Изд-во СГПИ, 1992. С. 16–30.
11. *Потебня А.А.* Слово и миф / Отв. ред. и предисл. А.К. Байбурина; сост., подг. текста и прим. А.Л. Топоркова. М.: Правда, 1989. 628 с.
12. *Силецкая С.С.* Прагматика литературно-критического дискурса // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 4. С. 153–156.
13. *Соловьева И.В.* Концептуальные основания герменевтики дискурса. Тверь: Тверской государственный университет, 2010. 160 с.
14. *Степанов Ю.С.* Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принципы Причинности // Язык и наука конца XX века: Сборник статей. М.: РГГУ, 1995. С. 35–73.
15. *Genette G.* Paratexts. Thresholds of Interpretation. (tr. J.E. Lewin). Cambridge: CUP. 1997. 453 p.

References

1. *Arutyunova N.D.* Dialogic modality and the phenomenon of quotation // The human factor in language: communication, modality, deixis. М.: Nauka, 1992. P. 40-51.
2. *Arutyunova N.D.* The phenomenon of the second remark, or the benefits of argument // Logical analysis of language. Inconsistency and anomaly of the text. М., 1990. P. 175-189.
3. *Bakhtin M.M.* Problems of Dostoevsky's poetics. St. Petersburg: ABC – Atticus, 2015. 412 p.
4. *Bakhtin M.M.* Aesthetics of verbal creativity. М.: Iskusstvo, 1986. 444 p.
5. *Borev Yu.B.* Aesthetics. In 2 volumes . Independent Academy. aesthetics and liberal arts. 5th ed., supplement. Smolensk: Rusich Publ., 1997.
6. *Bryusov V.Ya.* Literary and critical articles. – URL: <http://bryusov.lit-info.ru/bryusov/kritika-bryusova/index.htm> (accessed 15.02.2025).
7. *Govorukhina Yu.A.* Literary and critical discourse as an open system // Bulletin of Tomsk State University. Philology. 2010. No. 2 (10). P. 58-67.
8. *Goryacheva E.D.* Pragmatics of the epigraph of a literary text in the aspect of intertextuality // Actual problems of philology and pedagogical linguistics. 2019. No. 4. P. 127-132.
9. *Kozlovsky P.* Culture of postmodernity / Translated from German. М.: Republic, 1997. 238 p.
10. *Meizersky V.M.* Problems and prospects of text semiotics // Literary text: ontology and interpretation. Saratov: SSPI Publishing House, 1992. P. 16-30.
11. *Potebnya A.A.* The Word and the myth / Ed. and preface by A.K. Baiburin; comp., ed. text and note by A.L. Toporkova. Moscow: Pravda, 1989. 628 p.

12. *Siletskaya S.S.* Pragmatics of literary and critical discourse // Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics. 2018. No. 4. P. 153-156.
13. *Solovyova I.V.* Conceptual foundations of hermeneutics of discourse. Tver: Tver State University, 2010. 160 p.
14. *Stepanov Yu.S.* Alternative world, Discourse, Fact and principles of Causality // Language and science of the end of the XX century: A collection of articles. M.: RGGU, 1995. P. 35-73.
15. *Genette G.* Paratexts. Thresholds of Interpretation (tr. J.E. Lewin). Cambridge: CUP. 1997. 453 p.

Статья поступила в редакцию 04.03.2025; одобрена после рецензирования 14.03.2025; принята к публикации 16.03.2025.

The article was submitted 04.03.2025; approved after reviewing 14.03.2025; accepted for publication 14.03.2025.